

СЕМЕЙНАЯ САГА

1970

1976

1978

1984

2023

Наталья Елецкая

Заира из аула Зубутли

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е50

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины
Тимура Кагирова

*Имена и персонажи вымышлены,
любые совпадения случайны*

ISBN 978-5-17-185739-4

© Наталья Елецкая, текст, 2026

© Тимур Кагиров, ил., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Когда земля содрогнется от сотрясений,
когда земля извергнет свою ношу, и че-
ловек спросит, что же с нею, в тот день
она расскажет свои известия, потому что
Господь твой внушит ей это.*

(Коран 99:1–8)

ПРОЛОГ

17 июня 2020 г.

Смотрю на развалины дома и пытаюсь понять, что же я чувствую. Сказать «ничего» — значит покривить душой. Но и тех переживаний, которых я так боялась, все откладывая и откладывая поездку, я не испытываю. Только смятение, не более.

Хорошо, что Зайнутдин остался у машины и не видит сейчас мое лицо.

Неужели мне настолько все равно? Неужели я такая бесчувственная?..

От дома остался фундамент, заросший бурьяном в половину человеческого роста. Все остальное — крыша, балки, оконные рамы, двери — или сгнило, или разобрано на дрова, или вывезено на свалку после разбора завалов.

Я стою на тропинке, едва заметной среди давно не плодоносящих фруктовых и ореховых деревьев. У нас был большой участок и добротный дом, построенный на века. Кладка из сырцового кирпича¹ казалась нам, детям, такой надежной, такой нерушимой.

1 Сырцовый кирпич, или саман, изготавливают из глины и рубленой соломы. В качестве раствора также используют глину.

Я бы, наверное, и дальше тянула с поездкой, придумывая все новые причины для оправдания своего малодушия. Плохое самочувствие, хозяйственные заботы, свадьба внучки, ливневые дожди, размывшие дорогу на перевале...

Но неделю назад мне начал сниться отец.

Прежде он никогда не снился, а тут стал приходить каждую ночь. Войдет в спальню, встанет у изножья кровати и смотрит грустно и строго, словно хочет что-то сказать, но не может. На нем та же одежда, что и в тот вечер: рубаха из небеленого полотна, шаровары, подпоясанные плетеным шнуром, стоптанные чупяки¹. Вот только волосы не черные, а седые, из-за этого я не сразу его узнала. Подумала во сне: что за мужчина посмел войти в мою спальню? Хотя я давно разменяла седьмой десяток, все равно неприлично. Что люди скажут, если узнают? А потом присмотрелась и мысленно спросила: «Отец?» Он кивнул. Постоял немного и исчез.

После четвертой ночи я поняла: надо ехать, раз уж не сделала это на годовщину.

В день годовщины, 14 мая, в Зубутли состоялся меджлис² с посещением старого кладбища и чтением аятов³ из Корана над могилами погибших. Туда поехали многие мои односельчане. Сапира и Имран звали меня в свою машину, но я отказалась — сказала, сердце прихватило. Сердце у меня действительно ныло, но не из-за болезни, а от страха. Чего только не довелось мне пережить за

1 Чупяки — мягкие кожаные туфли без каблуков, традиционная обувь кавказцев.

2 Меджлис (*маджлис*) — религиозное или общественное собрание у мусульман.

3 Аят — структурная единица Корана, фрагмент текста, состоящий из одной или нескольких фраз.

прошедшие полвека! Несколько раз под смертью ходила, а так сильно, как в день поминовения, не боялась.

Наши страхи по поводу будущего зачастую не обоснованны. Люди страшатся грядущего события, а после того, как оно произойдет, понимают, что боялись напрасно. Но сегодня мой главный многолетний страх, связанный с возвращением в Зубутли, не только воплотился в реальность, но оказался даже сильнее, чем я предполагала.

Сперва Зайнутдин отвез меня на кладбище. Я постояла у общей могилы, в которой были захоронены погибшие в тот день мужчины, и среди них — мой отец. Потом отправилась разыскивать могилу матери. Долго плутала меж покосившихся надгробий, некоторые из которых датируются еще десятым веком. Зубутли — очень древний аул с богатой историей. С малых лет я гордилась, что родилась именно здесь. Была уверена, что проживу в Зубутли всю жизнь и упокоюсь на этом кладбище.

Я мысленно поговорила с мамой, рассказала ей обо всем, что происходило в моей жизни на протяжении нескольких десятилетий. Хотя она, конечно, и так все про меня знала. Но мне стало легче. Словно я скинула бремя тяжелых признаний, которые не могла доверить ни одной живой душе.

Когда я вернулась к машине, Зайнутдин спросил: «Куда теперь, мама?» Я хотела ответить: «Домой, отвези меня домой!», но вместо этого сказала: «Видишь тот пригорок? Там когда-то был наш дом. Поехали туда».

Осознав, что неподвижно стою посреди тропинки, я убираю руку со ствола старого абрикоса, под которым девочкой собирала падалицу для каши¹, и иду дальше. Шатер из тесно сплетенных ветвей расступается,

1 Абрикосовая каша — традиционное дагестанское блюдо, сытное и питательное; ее часто подают только что родившим женщинам для восстановления сил.

открывая пронзительно-синее небо с барашками белых облаков. Солнце отражается в потускневшем осколке зеркала, торчащем из щели меж двух камней фундамента. Это *мое* зеркало, внезапно понимаю я и снова оста-навливаюсь, наконец почувствовав то, что должна была почувствовать еще в тот момент, когда машина, спустившись со склона, начала петлять по узким улочкам заброшенного аула.

На меня обрушивается волна боли. Я пытаюсь сделать вдох и не могу; боль, словно ястреб, вцепилась в грудь и рвет ее когтями. Я смотрю на обточенные ветрами, выбеленные солнцем, заросшие сорняками камни, но вместо всего этого вижу развалины дома, слышу крики и плач, а потом внезапно наступает тишина, и я задыхаюсь в бессильном ужасе, зная, что последует за этой неестественной тишиной: глухой нарастающий гул, переходящий в громовой раскат; земля вновь задрожит в смертельной агонии, словно настал Судный день.

Мои глаза привычно сухи. Я выплакала все слезы в тот день, когда из-под завалов достали отца, и с тех пор ни разу не плакала, хотя поводов было достаточно. Врач в Кизилюрте, к которому возил меня Зайнутдин, заверил, что с моими глазами все в порядке, никакой патологии, причина в моем внутреннем состоянии. «Неудивительно, — сказал врач Зайнутдину, — учитывая, что пришлось пережить вашей матери». Он пообещал, что я непременно заплачу, когда настанет весомый повод. Я хотела спросить: что это должен быть за повод, если, даже похоронив двух мужей, я не проронила ни слезинки, но промолчала.

— Пойдем, мама.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Зайнутдин подошел неслышно и из-за моего плеча смотрит на фундамент. Ему не понять, думаю я. И хорошо, что он не понимает.

Не дай Аллах пережить нынешним детям то, что пережили их бабушки и дедушки, когда сами были детьми.

Мы возвращаемся к машине, оставленной на обочине грунтовой дороги. Это даже не дорога, а скорее глубокая колея, распаханная джипами, в которых привозят туристов, чтобы покатать их на катерах по реке Сулак¹, и грузовиками, доставляющими стройматериалы.

Аул (хотя теперь правильнее говорить — село) начали восстанавливать лет десять назад. Местные потихоньку возвращаются на родовые земли, хотя здесь пока нет ни мечети, ни магазина, ни амбулатории. Но со временем...

— О чем ты думаешь, мама? — выдергивает меня из размышлений голос Зайнутдина.

— О том, что когда-нибудь сюда вернется жизнь.

Зайнутдин с сомнением качает головой.

— Чтобы восстановить Зубутли, нужны большие деньги. У аула нет статуса поселения, нет администрации, поэтому и деньги никто не выделяет. Все делается усилиями добровольцев, а разве им под силу за несколько лет сделать то, что создавалось веками?

Понимая, что своими словами причиняет мне боль, он мягко добавляет:

— Мама, ты же видела эти руины. Сюда даже газ не провести. Да и кому это нужно? Возвращаться в прошлый век, шить при свете керосинки, топить печь дровами...

— Пообещай, что восстановишь наш дом.

— Что?

От неожиданности Зайнутдин резко выворачивает руль, машина опасно кренится набок. Ветка дерева хле-

1 Село Зубутли расположено на второй ступени Сулакского каньона, на левом берегу реки Сулак.

щет по стеклу, словно возмущаясь этим грубым человеческим вмешательством.

— Пообещай, что восстановишь дом, в котором я выросла.

— Зачем, мама? Ты ведь не собираешься тут жить?

Догадавшись по моему молчанию, что именно этого я и хочу, Зайнутдин поворачивается ко мне. Уважение и такт не позволяют ему озвучить свои мысли, но я и без слов понимаю, о чем он думает.

Зайнутдин хороший сын: добрый, заботливый, почтительный. На его месте я бы, наверное, думала так же. Что моя просьба — не более чем старческая блажь. Что дать обещание — значит взять на себя слишком много. Дело не только в деньгах, но и во времени, которого у Зайнутдина, как у всякого работающего мужчины, всегда не хватает, и в физических возможностях. Я знаю от Салимы, что Зайнутдина беспокоит то одна болячка, то другая, хотя он делает вид, что здоров.

— Пообещай, что восстановишь дом, — в третий раз говорю я.

Что-то в моем голосе заставляет Зайнутдина изменить ответ, готовый сорваться с его губ. Он смотрит на свои руки, лежащие на руле, потом оглядывает улочку и останавливает взгляд на недавно отстроенном доме с синими ставнями и геранями на подоконнике, с импровизированным прилавком у калитки, на котором стоит ведро со спелыми абрикосами, собранными тут же, возле дома, и выставленными на продажу.

— Хорошо, мама. Я обещаю.

Машина вновь трогается с места. Я оборачиваюсь и провожаю глазами ведро с абрикосами, ставшее для меня символом возрождения Зубутли.

Я уверена, что рано или поздно вернусь.

Вернусь, чтобы остаться навсегда.

1.

13 мая 1970 г.

С самого утра все мои мысли о том, что теперь будет с Меселавом. Новость о вчерашнем происшествии разлетелась по аулу, обрастая все новыми подробностями. Я знаю то, что слышала от двоюродного брата Сапиры, которому рассказал кто-то, кто видел своими глазами, как все произошло. Этот пришлый из Хубара¹ получил по заслугам, но Меселаву придется заплатить за свой поступок высокую цену.

Джамиля сама виновата, шепчутся работницы фермы. Строит глазки каждому встречному, одевается неподобающе. Почему Джамал не выдал ее замуж сразу после школы? Теперь он лишился старшего сына и главного помощника. Столько лет обучал Меселава кузнечному делу — и все напрасно. Ждать, пока другие сыновья подрастут, здоровья не хватит. Джамал с возрастом совсем хворый стал, еще с войны грудью мается. Ранение получил тяжелое, пуля прошла через легкое, оставив под лопаткой шрам размером с яйцо. На Зареме-то он вторым браком женат, первая семья во время войны погибла.

1 Хубар — село в Казбековском районе Дагестана, в состав которого входит Зубутли.

Я не считаю, что Джамиля виновата. Она просто очень красивая, вот и всё. Неудивительно, что тот парень — и каким ветром его занесло в Зубутли? — захотел с ней познакомиться. Плохо, что, получив отказ, он не отступился, а попытался схватить Джамилю за руку. Это увидел Меселав и набросился на чужака, защищая честь сестры. Он его даже не бил — обхватил поперек туловища и бросил на камни. А силы ему от рождения отмерено немало. Слава о победах Меселавы в соревнованиях по вольной борьбе, когда он учился в школе, гремела на весь район. Он несколько раз ездил в Махачкалу и каждый раз привозил медали; дядя Джамал с гордостью рассказывал соседям о победах сына и приглашал их посмотреть на очередную медаль.

Меселав еще ребенком был выше и крепче своих сверстников (тетя Зарема едва не умерла, когда рожала его), а теперь, в свои восемнадцать, выглядит как взрослый мужчина. Под рубахой бугрятся мускулы, плечи широченные, а шея такая мощная, словно способна удержать не одну голову, а сразу несколько. Хотя Меселав числится в учетной ведомости как помощник кузнеца, на деле он выполняет почти всю работу, оставляя отцу только самую легкую.

Точнее, выполнял. До вчерашнего дня.

При мысли о том, что Меселаву посадят в тюрьму и в следующий раз я увижу его через несколько лет (если вообще когда-нибудь увижу), я спотыкаюсь и опрокидываю ведро с надоевшим молоком.

— Ты что наделала? — испуганно ахает Сапира. — Если Фатима Рамизовна увидит, из зарплаты вычтет, а у тебя за этот месяц и так одни слезы вместо рублей.

Она поспешно закидывает молочную лужу лежалой соломой, втаптывает потеки в земляной пол, потом

берет свое ведро и выливает половину надоя в мое опустевшее.

— Зачем? Не надо.

Мне действительно все равно. Пусть я снова не выполню план, пусть вычтут из зарплаты, какая теперь разница, если Меселав не сможет ко мне посвататься. А я так надеялась, что это случится в сентябре, когда мне исполнится семнадцать.

Я не представляю, каково это: не видеть его хотя бы один день. Дорога к ферме проходит мимо кузницы, и это единственное, что примиряет меня с необходимостью работать: возможность утром и вечером, проходя мимо распахнутых дверей кузни, видеть Меселаву. Каждый раз, как я появляюсь в поле его зрения, он опускает молот и провожает меня взглядом, от которого мое лицо вспыхивает жарким пламенем, словно я сама стою у кузнечной печи.

— Может, обойдется, — сочувственно говорит Сапира, имея в виду, конечно, не молоко.

Она единственная, кто знает о моих чувствах к Меселаву. Будь жива мама, я бы и ей не призналась. И помыслить невозможно рассказать кому-то о своей любви. Девушка должна ждать, пока парень не выразит намерение к ней посвататься. И хотя за весь год мы с Меселавом не перекинулись и парой слов, я знаю, что нравлюсь ему и единственное, что его останавливает — мой возраст. Он, как и я, ждет, когда мне исполнится семнадцать.

Точнее, ждал. До вчерашнего дня.

Неумолимый внутренний голос вновь напоминает о том, что все изменилось. Меселав заперт в одной из комнат сельсовета, ожидая прибытия из Дылыма¹

1 Дылым — село в Дагестане, административный центр Казбековского района. Находится в 108 км к западу от Махачкалы.

следователя и сотрудника милиции, который по окончании расследования отвезет его в райцентр, где его будут судить за непредумышленное убийство. Хотя и расследовать-то нечего, сказал отец за завтраком. Трое свидетелей видели, как Меселав приложил чужака о камень — тот даже опомниться не успел. Нет бы оттащить его на окраину аула, подальше от чужих глаз и ушей. Там бы пусть делал с ним что хотел. Ярость не должна застилать глаза, особенно если Аллах наделил недюжинной силой. Но Меселав всегда был таким: вначале делает, потом думает. Ни уговоры, ни наказания не могли удержать его в узде. И вот к чему это привело.

В голосе отца звучало сожаление. Меселав был одним из его любимых учеников и самым способным в классе. Физику и биологию знал на отлично. Ему бы дальше пойти учиться, но он решил продолжить семейное дело и стать кузнецом.

Подавая домашним завтрак, я напустила на себя равнодушный вид, чтобы никто не догадался, что творится у меня в душе. Но бабушка Джавгарат все равно почуяла неладное. Хотя ей за восемьдесят, видит она отлично, даже без очков. От ее глаз ничего не укроется.

Я вышла во двор, чтобы достать из тандыра¹ очередную порцию лепешек. Полной грудью вдохнула прохладный утренний воздух, напоенный медвяным ароматом цветущих абрикосов, бросила привычный взгляд на кажущиеся одновременно близкими и далекими скалы каньона, над которыми голубело небо, подернутое белесой дымкой. Загораживающая красота, к которой

1 Тандыр — уличная печь-жаровня круглой или кувшинообразной формы, традиционный атрибут внутреннего двора кавказских народов.

невозможно привыкнуть, даже если живешь здесь с рождения, сегодня оставила меня равнодушной. Сняв лопаткой лепешки со стенок тандыра, я понесла блюдо на кухню.

Каждое утро, встав засветло, я выпекаю не меньше двадцати штук: трем моим братьям, которые активно растут, нужно столько еды, что хватило бы на целый полк, шутит отец. Сам он ест мало, а бабушка и того меньше: плошка творога со сметаной и зеленью — вот и весь ее завтрак.

Когда я вернулась на кухню, отец заканчивал начатую в мое отсутствие фразу:

— ...наверняка сочтут отягчающим обстоятельством.

— Что сочтут? — не удержавшись, спросила я.

— Меселав борьбой занимался, значит, воспользовался своей силой, — ответил тринадцатилетний Бахарчи, намазывая маслом горячую лепешку и с такой поспешностью отправляя ее в рот, словно не ел два дня.

Десятилетний Амир и семилетний Хамид последовали его примеру. Они во всем подражали брату, и Бахарчи иногда нарочно, чтобы их позлить, делал что-то, что им пока не под силу, каждый раз получая нагоняй от отца.

— И что теперь с ним будет?

— Получит лет пять или больше, если адвокат попадется неопытный. Все будет зависеть от показаний свидетелей. Гудула, Бахтияра и Эльмурада наверняка вызовут в суд. Надо бы Джамалу потолковать с ними — что можно говорить на суде, а о чем лучше умолчать.

Из слов отца я поняла, только что Меселав не скоро вернется домой. К тому времени я уже буду замужем. Почувствовав, как задрожали губы, я испугалась, что не